

Фархад Карагусов,

главный научный сотрудник НИИ частного права Каспийского университета,
член Международной академии сравнительного права (IACL)

О значении личности должника в обязательстве: как отвечает гарант в случае смерти заемщика

1. В своей недавней публикации Д. Абжанов информировал юридическую общественность о судебном процессе по одному делу, после ознакомления с которой складывается мнение о неоднозначном понимании казахстанскими судами вопроса о том, прекращаются ли со смертью заемщика обязательства по гарантии [1].

Примечательно, что со ссылкой на постановление Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Казахстан от 13 марта 2025 года по делу № 6001-25-00-3пп/6 сообщается, что упомянутая *«высшая судебная инстанция подтвердила и развила правовую позицию, изложенную в Нормативном постановлении ВС РК от 25 ноября 2016 года № 7»*, в пункте 26 которого определено, что *«...со смертью заемщика обязательства по гарантии не прекращаются»*, а *«...гарант продолжает нести ответственность в полном объеме на условиях выданной гарантии»*.

Одновременно, из этой публикации следует, что несмотря на издание Верховным Судом указанного нормативного постановления еще в 2016 году, по конкретному делу (фабулу которого описывает Д. Абжанов) суды придерживались иной позиции, считая, что (опять-таки, со слов автора рассматриваемой публикации) *«со смертью заемщика прекратилось обязательство по банковскому займу в силу ч. 1 статьи 376 ГК РК. Поскольку прекращение основного обязательства влечет прекращение дополнительного, суд признал гарантию прекращенной. Из рассуждений суда вытекало, что отношения по взысканию долга должны основываться только на требованиях к наследникам, принявшим наследство после смерти заемщика. На этом основании суд отказал кредитору в иске»*.

Абжанов считает такую позицию судов относительно прекращения со смертью заемщика его обязательств по банковскому займу и, в связи с этим, касательно прекращения гарантии *«досадной ошибкой судов»*, которую (согласно выраженному им ощущению счастья) своим указанным выше постановлением 2025 года *«Верховный Суд исправил»*.

При этом, он высказал следующую точку зрения: (i) *«...Верховный Суд совершенно прав, отменяя решения судов по выше приведенному делу и указывая на неверное применение ими нормы статьи 376 ГК. Высшая судебная инстанция подтвердила, тем самым, позицию о том, что обязательства по банковскому займу не связаны неразрывно с личностью должника и не прекращаются с его смертью»*; и (ii) *«справедливым*

следует считать подход, по которому смерть заемщика не влияет на обязательство гаранта - гарант отвечает по гарантии перед кредитором в том же объеме и на тех же условиях, как если бы отвечал при жизни заемщика. Равным образом сказанное распространимо на отношения поручительства и залога».

2. В содержании своей публикации Д. Абжанов предлагает целый ряд аспектов, интересных и достойных профессионального обсуждения и согласования позиций. Однако, в виду необходимости посвятить время и усилия выполнению своих более приоритетных обязательств, в данной заметке я ограничусь предложением своей позиции только по вопросу о прекращении гарантии в связи со смертью должника, в обеспечение чьих обязательств гарантия была выдана.

В частности, я могу согласиться с мнением о том, что обязательства по банковскому займу не являются неразрывно связанными с личностью должника и не прекращаются с его смертью. Я также согласен с тем, что в своем упомянутом постановлении 2025 года Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда указала на неверное применение судами при разрешении описанного выше дела нормы статьи 376 Гражданского кодекса Республики Казахстан (ГК).

Однако, несмотря на то что *«обязательство по возврату банковского займа не связано неразрывным образом с личностью должника»*, обеспечивающая такой возврат займа гарантия может как прекратиться, так и сохранить свое действие (на тех же или иных условиях) и после смерти первоначального должника (заемщика). Но если гарантия в этом случае прекращается, то не в силу статьи 376 ГК.

Поэтому я не согласен с категоричностью утверждения Д. Абжанова о том, что *«смерть заемщика не влияет на обязательство гаранта, и гарант отвечает по гарантии перед кредитором в том же объеме и на тех же условиях, как если бы отвечал при жизни заемщика»*. Это утверждение может быть верным только при одном условии – когда гарант согласится отвечать перед кредитором уже за наследников первоначального должника. При других обстоятельствах такая позиция не является основанной на содержании закона.

По этой же причине я также считаю «однобокой» (и потому – необоснованной) позицию, отраженную в вышеупомянутом Нормативном постановлении Верховного Суда о том, что со смертью заемщика обязательства гаранта не прекращаются.

[Пользуясь моментом, также отмечу некорректность самой формулировки пятого абзаца пункта 26 этого Нормативного постановления Верховного Суда, согласно которому *«смерть заемщика не прекращает обязательства по договору банковского займа гаранта, поручителя, залогодателя, ответственность которых предусмотрена нормами пункта 2 статьи 269, статей 287, 288, 299, 329, 330 ГК»* [2].

Договор банковского займа не является основанием возникновения обязательств гаранта. По договору банковского займа обязательства возникают только у должника.

В свою очередь, основанием возникновения обязательства гаранта перед кредитором является отдельный договор, называемый гарантией (см. статью 329 ГК), даже если такой договор гарантии каким-то образом инкорпорирован в текст договора банковского займа. И именно договор гарантии определяет объем ответственности гаранта за исполнение должником обязательств последнего по договору банковского займа.

Ни к одному гаранту ни один кредитор не может предъявить требование на основании договора банковского займа. Требование к гаранту предъявляется только на основании гарантии. Этот момент следует иметь в виду, поскольку требование к гаранту со ссылкой на договор банковского займа не может быть удовлетворено как основанное на не применимом в данном случае договоре как основании для требования / иска. И в данном случае не следует путать ссылку на гарантию как основание требования к гаранту в связи с неисполнением должником обязательств по договору банковского займа.]

3. Я считаю, что сама по себе смерть заемщика может служить основанием для прекращения гарантии на основании действующих норм ГК. Более того, прекращение гарантии в этом случае должно иметь место в силу непосредственно действия правовой нормы, если только в установленном порядке за смертью первоначального должника не последует предусмотренное законом действие гаранта, с необходимой однозначностью свидетельствующее о согласии отвечать за нового должника на тех же или иных условиях.

Я также считаю, что недостатки содержания ГК (если они и имеются в рассматриваемом случае) не являются причиной для того, чтобы игнорировать конкретные нормы ГК более общего (в данном случае – высшего) порядка и отказывать в признании гарантии прекращенной в случае смерти должника при отсутствии согласия гаранта отвечать за исполнение обязательств из договора банковского займа наследниками умершего заемщика.

4. Со студенческой поры, когда мы изучали гражданское право, в качестве азбучной истины отложилось понимание того, что любое обязательство есть разновидность гражданского правоотношения, и оно всегда есть отношение между конкретными лицами [3, с. 35 – 41], причем *«в каждом правоотношении всегда насчитывается не менее двух лиц, в противном случае нет ... правоотношения...»* [4, т. 1, с. 76].

Так и нормы Гражданского кодекса на каждом этапе развития в Казахстане гражданского законодательства в традициях континентального права (в настоящее время это - статья 268 ГК) всегда четко определяют, что обязательство возникает и реализуется в рамках отношений между двумя сторонами – кредитором и должником.

Безусловно, у каждого обязательства должно быть конкретное содержание, конкретный объект и даже цель. Тем не менее, согласно и теории права, и легальным дефинициям, *«содержание обязательства составляют право, правомочие кредитора требовать совершения (или несовершения) должником каких-либо действий и обязанность должника их совершить (или не совершить)»* [3, с. 54]. Такое понимание в качестве цивилистической аксиомы было в давние времена, таким оно остается и сегодня [5, с. 278 – 281].

5. При этом в теории подчеркивается, а в правовых нормах определяется особое место третьих лиц в обязательстве, включение которых в орбиту обязательства связывается с той особой ролью, которую они играют в процессе возникновения, исполнения и прекращения обязательства; и в числе таких обязательств с участием третьих лиц (помимо прочих) традиционно называется регрессное обязательство, возникающее при исполнении гарантом в пользу кредитора по договору гарантии обеспеченного гарантией обязательства должника [5, с. 290 – 293].

Такое участие третьих лиц в обязательстве называлось *«осложнением структуры гражданского правоотношения»*, которое вызывается увеличением числа участников той или иной правовой связи, *«как и возникновением дополнительных (придаточных) к основному правоотношений»*, а в качестве наиболее распространенного примера такой осложненной структуры приводился договор поручительства (в современных правовых условиях Казахстана это – правоотношения по договору гарантии), которым *«устанавливается правовая связь между тремя лицами – кредитором и должником (которые состоят между собой в основном, главном правоотношении) и этих лиц с поручителем. Последний обязывается перед кредитором другого лица (должника) отвечать за исполнение должником [подчеркнуто мной – Ф.К.] своего обязательства полностью или частично»* [4, с. 85 - 86].

Именно в связи с этим, уже со студенческой поры в сознании отложилось убеждение в том, что: (i) договор поручительства (сегодня в соответствии с ГК это – также договор гарантии) определяет содержание правоотношения между конкретными субъектами, в рамках которого (ii) поручитель / гарант по договору поручительства / договору гарантии обязуется исполнить за четко определенного (конкретного, однозначно поименованного) должника конкретное обязательство в четко определенном объеме в пользу конкретного кредитора.

Это понимание также основывалось на содержании статьи 130 Гражданского кодекса Казахской ССР, согласно которой *«по договору поручительства поручитель обязывается перед кредитором другого лица отвечать за исполнение последним [подчеркнуто мной – Ф.К.] своего обязательства полностью или в части»* [6, с. 83].

[В сущности, похожая структура правоотношений определялась и по гарантии, которая в соответствии со статьей 185 Гражданского кодекса Казахской ССР применялась в силу закона или договора в отношениях между юридическими лицами. В силу такой гарантии в качестве обеспечения исполнения обязательств организации-должника ее вышестоящий орган отвечал перед организациями, являющимися кредиторами организации-должника, полностью или в части за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства [6, с. 84]].

Изменение субъектного состава, включая его. способы, основания, условия осуществления и правовые последствия, регулируется специальными положениями ГК о перемене лиц в обязательстве, переходе прав и обязанностей в силу закона и т.п. И если в правоотношениях, осложненных участием гаранта, такие положения не применялись, то гарант. Всегда отвечает за исполнение обеспеченного обязательства конкретным должником в данном обеспеченном обязательстве.

6. То, что гарант отвечает за исполнение обеспеченного гарантией обязательства конкретным должником, а не за исполнение этого обязательства вообще и безотносительно того, кто является должником по основному обязательству, является существенным признаком структуры данного правоотношения не только в исторической ретроспективе, но и соответствует практике и законодательству современных государств.

В современных условиях гарантия и поручительство так же определяются как обязательство отвечать за должника [подчеркнуто мной – Ф.К.] в случае дефолта этого должника уплатить деньги или исполнить иные обязанности. При исполнении гарантом этой обязанности к нему переходят все права кредитора против этого должника. При этом подчеркивается, что в законе всегда отражается подход, предполагающий защиту интересов именно гаранта: любое действие кредитора, которое увеличивает риски гаранта без согласия последнего, влечет прекращение обязательств гаранта перед кредитором полностью или частично [7, с. 877].

Более того, существенным принципом, лежащим в основе конкретных правовых норм, является то, что гарантия прекращается в случае снижения или утраты стоимости регрессного требования (возникающего у гаранта вследствие исполнения им по гарантии), а также когда вообще снижается правовая возможность для гаранта получить от должника возмещение суммы исполненного гарантом по гарантии [7, с. 897]. Поэтому в цитируемой монографии специально подчеркивается вниманию тех, кто советует банкам и финансовым институтам предоставлять обеспечение исполнения обязательств в форме гарантий: следует всегда помнить о первостепенной важности знания этих правовых принципов.

7. Такой подход был присущ и советскому гражданскому праву. То есть такое регулирование и для нас имеет исторические корни. Во всяком случае еще студентами мы узнали, что *«прекращается поручительство и*

при переводе долга, если поручитель не выразил согласия отвечать за нового должника [подчеркнуто мной – Ф.К.]» [4, с. 474].

Также в литературе советского периода разъяснялось, что *«кредитор не обязан вообще проявлять в отношении поручителя какую-то особую заботливость, но он не должен, во всяком случае, произвольно ухудшать положение поручителя»*, а в числе примеров действия этого принципа указывалось то, что *«если кредитор без согласия поручителя дает должнику отсрочку, обязанность поручителя должна считаться прекратившейся»* [3, с. 263].

Это правило в полной мере применяется и сегодня к случаю, когда заменяется должник в обеспечиваемом гарантией или поручительством обязательстве. Оно нашло свое закрепление в вышеупомянутом пункте 2 статьи 336 ГК, а также в пункте 1 статьи 336 ГК, согласно которой *«гарантия и поручительство прекращаются ... в случае изменения этого обязательства, влекущего увеличение ответственности или иные неблагоприятные последствия для гаранта и поручителя, без согласия последних»*.

8. Такая теория и соответствующее законодательное регулирование обусловлены тем, что личность должника, как и изначально определенные условия об основаниях наступления ответственности гаранта по гарантии и ее объеме, имеет принципиальное значение для гаранта.

В наши студенческие времена нам объяснялось это тем, что *«принимая на себя ответственность, поручитель учитывает, между прочим, имущественное положение должника и шансы на его платежеспособность к сроку по обязательству; отсрочка главного долга коренным образом меняет положение дела, вследствие чего поручитель должен иметь право отказаться от ответственности по договору поручительства»* [3, с. 263].

Еще одно обоснование в установлении уже действующим казахстанским правом правила о необходимости согласия гаранта или поручителя отвечать за нового должника и прекращении гарантии (поручительств) в отсутствие такого согласия, в частности, при переводе долга по обеспеченному гарантией основному обязательству представлено в нашем учебнике гражданского права 2013 года: *«сущность данного правила заключается в том, что для обязательства по гарантии или поручительству свойственен доверительный характер отношений между гарантом или поручителем и должником, а для гаранта или поручителя имеет существенное значение личность должника – гарант или поручитель берут на себя обязательства отвечать наравне или дополнительно с определенным лицом, а не просто за определенное обязательство»* [5, с. 358].

Можно предлагать улучшение словесного и/или даже содержательного выражение этого тезиса, но суть его является абсолютно верной и

однозначной – личность должника имеет принципиальное значение для гаранта / поручителя.

9. Таким образом, обязательство гаранта, возникающее из договора гарантии и договора поручительства, является правоотношением, в котором субъектный состав имеет существенное значение. Это является приоритетным для решения вопроса об исполнении соответствующего обязательства по гарантии / поручительству.

Любое изменение субъектного состава на стороне должника без согласия гаранта и кредитора (причем требуются согласия обоих) влечет за собой прекращение обязательств гаранта.

В частности, согласие кредитора на замену должника требуется на основании статьи 348 ГК. А на основании пункта 2 статьи 336 ГК гарантия и поручительство вообще прекращаются с переводом на другое лицо долга по обеспеченному гарантией или поручительством обязательству, если гарант или поручитель не дали кредитору согласия отвечать за нового должника.

10. Обращает на себя внимание то, что действующие нормы ГК требуют согласие гаранта на замену должника только при переводе долга (то есть при контрактной смене субъекта правоотношения). Замена должника в правоотношении с участием гаранта / поручителя по другим основаниям не регулируется ГК, и в регулировании этих аспектов можно усматривать законодательный пробел.

Заполнение же пробелов осуществляется по правилам статьи 5 ГК о применении гражданского законодательства по аналогии, когда допускается как применение норм гражданского законодательства, регулирующих сходные отношения (аналогия закона), так и урегулирование исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства и требований добросовестности, разумности и справедливости (аналогия права).

11. То, что наследники умершего должника являются иным субъектом, и при наследовании происходит замена субъекта в правоотношении, не вызывает сомнений.

Согласно пункту 1 статьи 1038 ГК совершенно определенно указано, что *«наследование - это переход имущества умершего гражданина (наследодателя) к другому лицу (лицам) - наследнику (наследникам)»*, а в соответствии с пунктом 1 статьи 1040 ГК *«в состав наследства входит принадлежащее наследодателю имущество, а также права и обязанности, существование которых не прекращается с его смертью»*.

Таким образом, наследники умершего гражданина могут стать новым должником по заемному обязательству перед банком, в котором первоначальным должником был наследодатель.

Как разъясняет академик М.К. Сулейменов, и при переводе долга, и при наследовании имеет место правопреемство, то есть переход прав и/или

обязанностей от одного субъекта к другому: *«несомненно, правопреемство возникает в случае изменения субъекта правоотношения»* [8, с. 11 - 36].

12. В связи с этим, если закон требует согласие гаранта на замену должника при переводе долга, почему такое согласие не должно требоваться при переходе обеспеченного его гарантией обязательства должника к наследникам последнего?

Представляется невозможным найти хоть какое-то разумное (как и юридическое) объяснение отказу в применении пункта 2 статьи 336 ГК по аналогии закона к ситуации, когда первоначальный должник замещается его наследниками найти.

Более того, я совершенно убежден в том, что при наследовании согласие гаранта отвечать по переходящим к наследникам первоначального должника обязательствам по договору банковского займа должно испрашиваться на основании пункта 2 статьи 336 ГК с применением аналогии закона на основании статьи 5 ГК, а в случае, когда гарант не выразит такого согласия, гарантия должна прекращаться.

13. Если же гарант согласится отвечать за исполнение наследниками умершего должника унаследованного ими обязательства по банковскому займу или иному обязательству, то с учетом вышеописанного принципиального подхода к законодательному обеспечению интересов гаранта (как и действующих норм ГК), объем собственно обязательства гаранта должен быть ограничен стоимостью перешедшего к наследникам имущества первоначального должника.

Этот вывод основан на императивных нормах статей 332(2) и 1081 ГК, в которых указанный принципиальный подход отражен, и согласно которым: (i) *«кредиторы наследодателя вправе предъявить свои требования, вытекающие из обязательств наследодателя, к исполнителю завещания (доверительному управляющему наследством) или к наследникам, отвечающим как солидарные должники в пределах стоимости имущества, перешедшего к каждому наследнику»*, и (ii) *«гарант отвечает перед кредитором в том же объеме, как и должник, ..., если иное не установлено договором гарантии»*.

Поэтому я также категорически не согласен с анализом этих норм и выводом, предложенными Д. Абжановым в его публикации, поскольку его мнение о том, что *«справедливым следует считать подход, по которому смерть заемщика не влияет на обязательство гаранта - гарант отвечает по гарантии перед кредитором в том же объеме и на тех же условиях, как если бы отвечал при жизни заемщика»* не соответствует ни закону, ни справедливости.

Еще раз подчеркну, что в случае, когда обеспеченное гарантией обязательство переходит к наследникам, должником становятся эти наследники, и пункт 2 статьи 332 ГК в данном случае означает, что гарант отвечает перед кредитором по обязательствам уже не за первоначального

должника, а за его наследников (ставших теперь должником этого кредитора).

Если же кредитор не может взыскать с нового должника (наследников умершего первоначального должника) больше, чем сумма унаследованного ими имущества, то он также не может взыскать сумму оставшегося баланса долга с гаранта, поскольку: (i) гарант ответственен за исполнение обязательства именно наследниками первоначального должника, и (ii) гарант отвечает в том же объеме, что и наследники.

Кредитор не может требовать от наследников и гаранта больше, чем стоимость унаследованного имущества; как кредитор не может и взыскивать с гаранта больше того, что кредитор вправе требовать от наследников.

14. Только при таком применении действующих норм закона будут соблюдены концептуальные начала гражданского права, должным образом соблюдаться интересы сторон в таких правоотношениях и в необходимой степени учитываться интересы гарантов, а институт гарантии будет применяться надлежащим образом, в том числе понятным и для иностранным участником нашего гражданского оборота.

Если же принять вышеупомянутую позицию Верховного Суда, то искажение правовых идей и юридических норм по вопросу соблюдения прав гаранта в рассматриваемой ситуации представляется очевидным, а развитие деловой и судебной практики на основе этой позиции может привести к тому, что субъекты рынка будут отказываться от использования гарантий и поручительств в качестве способа обеспечения исполнения обязательств.

15. Еще раз оговорюсь, что эта публикация представляет собой небольшую заметку по злободневному вопросу. В ней предлагается краткая и основанная на цивилистической доктрине оценка судебской позиции (не соответствующей ни теории права, ни содержанию применимых правовых норм) и вывод о наиболее обоснованном применении соответствующих действующих положений ГК о гарантиях и поручительстве.

Однако очевидной является и целесообразность заметного развития, необходимой в современных социально-экономических условиях детализации и актуализации норм ГК о гарантии и поручительстве в рамках давно назревшей комплексной модернизации всей правовой основы гражданско-правовых отношений в Казахстане [9, с. 52 – 70.].

В том числе, целесообразным представляется заменить классификацию этих инструментов на более распространенное в международной и иностранной практике правовое регулирование гарантии-поручительства (*suretyship guaranty*) и независимой гарантии (*independent guaranty*); устранить несовершенство действующей редакции относительно правомочий кредитора и защиты прав гаранта, регламентировать особенности распределения правомочий и рисков сторон

в правоотношении в зависимости от того, кто инициирует предоставление гарантии – кредитор или должник; установить правила относительно исполнения по гарантии и предъявлении требований по ней в случаях несостоятельности должника и гаранта, в процессе конкурсного производства, а также улучшить правовое регулирование по ряду других важных аспектов для гармонизации нашего законодательства с правовыми моделями современного экономического оборота.

Источники:

1. Абжанов Д. Как отвечает гарант в случае смерти заемщика (по итогам рассмотрения дела Верховным Судом), интернет-ресурс https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35329711&searchId= [25.08.2025 г.].
2. Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 25 ноября 2016 года № 7 «О судебной практике рассмотрения гражданских дел по спорам, вытекающим из договоров банковского займа» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 25.12.2024 г.), интернет-ресурс https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37462828&pos=4;-72#pos=4;-72 .
3. Новицкий И.Б., Лунц Л.А. Общее учение об обязательстве. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1950. – 416 с.
4. Советское гражданское право. Учебник. В 2-х томах. Под ред. О.А. Красавчикова. М.: Высшая школа, 1968.
5. Гражданское право. Том 2. Вещное право. Обязательственное право: Учебник для вузов (академический курс). Отв. ред. М.К. Сулейменов. Алматы, 2013. – 488 с.
6. Гражданский кодекс Казахской ССР (Официальный текст с изменениями и дополнениями по состоянию законодательства на 1 января 1988 г. Алма-Ата: Казахстан, 1989. – 256 с.
7. Goode on Commercial Law. Forth edition. MacKendrick E., Ed. Penguin Books. – 1433 p.
8. Сулейменов М.К. Правопреемство в гражданском праве: монография. Алматы: НИИ частного права Каспийского университета, Казахстанский Международный арбитраж, 2023. – 464 с.
9. Карагузов Ф. Модернизацию Гражданского кодекса Республики Казахстан откладывать нельзя. В: Актуальные проблемы частного права. К 100-летию со дня рождения профессора Ю.Г. Басина. Научные труды НИИ частного права Каспийского университета. Выпуск 3 / Отв. ред. М.К. Сулейменов. Алматы: Казахстанский Международный Арбитраж, 2023. – 472 с.

01 сентября 2025 г.